

Т.В. Амбросе

Соловецкая школа юнг ВМФ СССР в 1942–1945 годах: антропологический ракурс

В статье рассматриваются социально-психологические факторы, оказавшие влияние на формирование личности соловецких юнг в годы Великой Отечественной войны. В публикации вводятся в научный оборот документы Центрального военно-морского архива, позволяющие реконструировать повседневную жизнь Школы юнг ВМФ на Соловецких островах в 1942–1945 годы.

Ключевые слова: Школа юнг ВМФ; Соловецкие острова; военно-историческая антропология; Великая Отечественная война; соловецкие юнги.

На современном этапе осмысления военного прошлого России выпускники Соловецкой школы юнг стали одним из символов военно-морского флота. Школа юнгов ВМФ¹ была основана по Приказу наркома ВМФ СССР адмирала Н.Г. Кузнецова в мае 1942 года на базе Учебного отряда Северного флота (ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 1–2) и, просуществовав на Соловецких островах до осени 1945 года (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 4. Л. 52–53), подготовила за указанный период 3 выпуска специалистов для всех флотов и флотилий Советского Союза — всего 4111 человек (ЦВМА. Ф. 910. Оп. 035611. Д. 2. Л. 190). В Школе готовили рулевых, радистов, боцманов, электриков и мотористов (ЦВМА. Ф. 202. Оп. 024066. Д. 133. Л. 94). Четверо юнг стали Героями Советского Союза, семеро юнг награждены орденом Красного Знамени, более 150 человек — орденом Отечественной войны I и II степени, 130 человек — орденом Красной Звезды, сотни юнг — медалями Ушакова, Нахимова и другими боевыми наградами [11: с. 9]. В послевоенный период юнги становились Героями Социалистического труда, заслужили признание как ученые, писатели, деятели искусств, изобретатели, тренеры, общественные деятели. Само понятие «соловецкие юнги» благодаря выпускникам Школы юнг ВМФ вышло далеко за пределы возрастных, хронологических и географических рамок.

Впервые во всеуслышание о соловецких юнгах заговорили в 1969 году, когда на уфимском телевидении прозвучал музыкальный привет бывшего соловецкого юнги Аркадия Ежова своим товарищам по Школе юнг. Это стало толчком для объединения юнг-ветеранов сначала в региональные советы,

¹ Именно так она именуется в приказах НК ВМФ, однако в исторической литературе чаще используется название «Школа юнг», а сами учащиеся значатся как «юнги», «юнгаши».

а затем в Центральный совет юнг-ветеранов в Москве [8: с. 12]. Они встретились на Соловках в 1972 году на 30-летию основания Школы, после чего началось широкое движение по сбору материала о юнгах. Краеведческие организации и школьные музеи славы стали местом накопления ценного фактического материала о земляках-юнгах.

Историю Соловецкой школы юнг начали освещать бывшие юнги, ставшие писателями [1–3; 6]. В основе произведений лежали воспоминания авторов — непосредственных участников событий. Данные повести предназначались для детско-юношеской аудитории, они носили патриотически-воспитательный характер, следовательно, акценты в них были смещены в сторону героики войны, события пропущены через фильтр внешней и внутренней цензуры и отражены через призму ценностей, идеалов и образцов поведения советского времени. Газетные публикации советского и постсоветского периода о соловецких юнгах носили разный характер: репортажные — фиксировали мероприятия, связанные с юбилейными встречами юнг-ветеранов на Соловках, биографические — описывали частные истории наиболее выдающихся выпускников школы юнг, мемуарные — обычно представляли собой интервью с бывшими юнгами.

Кроме того, тема соловецких юнг стала предметом научного осмысления, однако лишь на уровне выпускных квалификационных работ. В 1977 году в Петрозаводске была защищена дипломная работа студентки ПетрГУ Г.М. Мехниной «Школа юнг ВМФ в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 гг.)» [8: с. 49–74]. Материалы этой работы представляли собой ряд статистических данных по выпускам — количество юнг, специальности, место распределения; одновременно уделялось много внимания роли партии в воспитательном и образовательном процессе, повседневная жизнь Школы юнг показывалась как безукоризненный учебный процесс.

Смена парадигмы изучения военного прошлого в конце XX века сделала возможным деидеологизированное освещение данного вопроса — историк получил право писать не только о мужестве и самоотверженности юных моряков в годы Великой Отечественной войны, но и о трудностях, с которыми им пришлось столкнуться при претворении в жизнь мечты о фронтовой службе. Открытые архивами новые документы и свидетельства позволяют путем их кропотливого изучения и анализа восстанавливать реальность — методично, без лозунгов, — такая реальность редко бывает красивой.

Современный этап развития исторической науки характеризуется усилением интереса к изучению проблемы «человек и война» в рамках новой отрасли — военно-исторической антропологии. В рамках этого подхода, абстрагируясь от «великих целей» войны и государственных задач, историки в первую очередь демонстрируют социокультурное измерение войны.

Объектом военно-исторической антропологии является человек и общество в экстремальных условиях вооруженных конфликтов, а также те аспекты

жизни «гражданского», мирного общества, которые характеризуют его подготовку к подобного рода экстремальным историческим ситуациям и отражают их последствия и пути преодоления. Это определяет взаимодействие дисциплины с психологией, социологией, культурологией; с некоторыми конкретными историческими дисциплинами — исторической демографией, этнологией и рядом других наук [7: с. 12–13].

Антропологические исследования неразрывно связаны с изучением повседневной жизни, позволяющим воссоздать условия, в которых происходит включение конкретной группы в определенный тип социальных отношений, формирование жизненных ценностей и целей, специальных умений и личных качеств.

Особую ценность в изучении повседневной жизни Соловецкой школы юнг представляют внутренние документы Учебного отряда СФ и ШЮ ВМФ, хранящиеся в ЦВМА, которые дают объемную, беспристрастную картину внутренней жизни школы юнг. Редким документом является дневник соловецкого юнга 1-го набора Б. Московского [5]. Записи охватывают период с 1 марта по 30 июля 1943 года, но даже этот отрывок дает моментальный снимок эпохи, передает впечатления, настроения и детали юнгашеской повседневной жизни. Дополняет общую картину множество воспоминаний и анкет юнг, собранных работниками Соловецкого музея-заповедника.

Первым шагом на пути к историческому бессмертию для этих подростков стали 11 месяцев обучения в Школе юнг УО СФ на Соловецких островах. К лету 1942 года в связи с тяжелой боевой обстановкой флот испытывал острейший дефицит кадров, срочно искали резервы. Приказ адмирала Н.Г. Кузнецова «О создании школы юнг ВМФ» (ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 1–2) уходил корнями в давнюю морскую традицию — набор юнг в корабельные экипажи. Согласно приказу Школа юнг должна была готовить кадры рядовых специалистов высокой квалификации для всех флотов и флотилий СССР. Штатная численность переменного состава определялась в 1500 человек. Школу планировалось укомплектовать юношами-добровольцами в возрасте 15–16 лет, имеющими образование 6–7 классов, через комсомольские организации в районах (ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 1–2). Кроме заявления нужно было предоставить выписку из ЗАГС о рождении; справки об образовании, о состоянии здоровья, о несудимости; справку с места работы о согласии отпустить (для работающих); автобиографию. Предпочтение отдавалось детям-сиротам и членам семей военнослужащих (ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 11).

Обучение юнг складывалось из 2-месячной общестроевой подготовки и 9-месячного обучения по специальности (ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 7–10). С самого начала командованием решено было широкого оповещения о наборе в Школу юнг не производить (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 20. Л. 44.). Отбор кандидатов поручили городским комитетам ВЛКСМ (ЦВМА.

Ф. 864. Оп. 1. Д. 188. Л. 2). В ряде ГК ВЛКСМ отбор кандидатов был пущен на самотек, для отправки на сборный пункт брались случайные подростки с улицы без документов, без учета возраста и образования (ЦВМА.Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 71). Желаящих было много: «Жажда мести за сожженные города и села, за смерть тысяч мирных советских людей, родных наполняла наши юные сердца. Мы хотели с оружием в руках участвовать во всенародной битве с врагом» [4: с. 17].

Многие юноши шли на обман, чтобы осуществить мечту о военной службе: они подделывали документы об образовании, писали за родителей согласие на обучение в школе, проходили медкомиссию по чужим документам, скрывали наличие репрессированных родственников². Кроме того, через Управление подготовки и комплектования ВМФ присылались в качестве кандидатов в юнги сыны полков, воспитанники кораблей и партизаны-подростки из освобожденных районов (ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 129). По распоряжению начальника Соловецкого гарнизона П.С. Броневицкого произвели набор в Школу юнг и в Соловецком гарнизоне из числа желающих подростков — детей вольнонаемного и военнотрудового составов (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 2. Л. 29).

Окончательное комплектование состава учащихся происходило в Архангельске, где будущие юнги проходили мандатную, военно-врачебную и приемно-техническую комиссии (ЦВМА.Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 163). В итоге на обучение в Школу юнг зачислили подростков, возраст которых варьировался от 13 до 17,5 лет, уровень образования от 4 классов школы до 2 курсов техникума (ЦВМА.Ф. 864. Оп. 1. Д. 188. Л. 12). Зачисление в Школу юнг после прохождения многоэтапного отбора из множества кандидатов давало будущим морякам уверенность в своей «избранности». Об особом положении юнг и огромной ответственности, которая в связи с этим на них ложится, им постоянно напоминали на еженедельных политзанятиях и политинформациях (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 12. Л. 12).

Высокий статус юнг определялся не только тем, что они стали полноправными военнотрудовыми, не достигнув призывного возраста, но и тем, что они принадлежали к военно-морскому флоту. Этот род войск еще со времен Петра I в силу своего стратегического значения, специальных требований к личному составу, ореола романтики путешествий считался элитарным. Изучая историю русского флота, знакомясь с биографиями прославленных адмиралов Ушакова, Нахимова, Макарова, Лазарева и др., говоря о славе Гангута, Чесмы и Синопа, преподаватели подчеркивали, что советские моряки, в том числе и юнги, являются достойными преемниками традиций русского флота, наследниками его славы (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 12. Л. 10). В связи с этим юнги надеялись на уважительное отношение к себе со стороны

² Воспоминания Соловецкого юнга 1-го набора Рейнгольда Карловича Вида [Электронный ресурс] // Сайт ветеранов войны, юнг Северного флота, 2016. – URL:<http://nordflot.ru/pages/1514.php> (дата обращения: 24.12.2015.) – Загл. с экрана.

старших по званию, однако реалии повседневной жизни не соответствовали ожиданиям.

Школа юнг стала пятой школой в составе Учебного отряда Северного флота на Соловках. Приказом командира УО СФ П.С. Броневицкого на должность начальника Школы юнг был назначен капитан 3 ранга Н.И. Иванов (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4 Д. 2. Л. 2). Военным комиссаром школы стал полковой комиссар Ф.С. Щигорёв (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4 Д. 2. Л. 3). Инструкторский и преподавательский состав был укомплектован частично за счет школ УО СФ, а также из резерва ВС СФ (ЦВМА. Ф. 910. Оп. 9. Д. 10. Л. 283–284). Впервые в истории Военно-морских сил они должны были за короткое время обучить морскому делу подростков 13–17 лет (ЦВМА. Ф. 202. Оп. 024066. Д. 133. Л. 276). Боевой опыт и опыт воспитательной работы с таким контингентом военнослужащих у большинства из них отсутствовал (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 19. Л. 18).

Юнг разделили на два учебных батальона. В каждом батальоне — по три роты. Роты делились на смены в соответствии со специальностью. В смене по 20–25 юнг (ЦВМА. Ф. 2469. О. 4. Д. 2. Л. 30). Разница в возрасте, общеобразовательной подготовке и мотивации порождали серьезные сложности при комплектовании учебных смен, выработке учебных планов, организации быта юнг.

По прибытии на Соловки юнги столкнулись с трудностями, к которым многие были физически и морально не готовы, и крушением надежд: на бескозырках были не выпущенные ленты, а «бантики»; вместо винтовок в руках — лопаты; вместо штурвала — ручки и карандаши; вместо полноценного флотского пайка — недовес продуктов при раздаче; вместо уважения к будущим героям — в лучшем случае снисходительно-безразличное, а в худшем — оскорбительное отношение старшин смен.

«Необходимость помимо учебного процесса активно включаться в хозяйственную деятельность, заниматься самообслуживанием, выполнять различные воинские наряды утомляла юнг, которые в большинстве своём были непривычны к подобному режиму существования» [10: с. 46]. Действительно, подросткам приходилось стирать, ходить в наряды на камбуз, дневалить по кубрику, вскакивать ночью по тревоге, заготавливать дрова и ягоды. Местом размещения Школы юнг стал бывший Савватиевский скит (ЦВМА. Ф. 910. Оп. 035611. Д. 1. Л. 5). Подготовить жилые помещения для полутора тысяч человек к началу сентября в гарнизоне не успели, поэтому юнг поселили в палатках, и многие помещения Школы юнгам первого набора пришлось строить самим с помощью личного состава Учебного отряда СФ (ЦВМА. Ф. 910. Оп. 2. Д. 3. Л. 40).

Участие в строительстве собственной Школы не освобождало юнг от обязанности постигать морскую и военную науку. Формально занятия в школе начались с 1 сентября 1942 года. «Учились в землянках, а на работу ходили поротно через два дня на третий. Суббота отводилась на уборку территории, штопку обмундирования, стирку белья. Развелось огромное количество вшей.

Их не ловили, а просто стряхивали. Всем есть хотелось. Треть роты лежала на госпитальных койках. Начальник школы, капитан II ранга Иванов, заменял педагогику жестокостью параграфа» [10: с. 48].

Проведенная 25 октября 1942 года проверка Школы командованием УО СФ выявила, что организация службы находится на низком уровне, командиры плохо ознакомлены с нуждами юнг, в ротах грязно, вшивость, не контролируется посещение бани, одежда и обувь нечистые, низкая требовательность к учебному процессу, на камбузе грязь, случается недостача пайков, территория школы захламлена, повседневной заботы о юнгах со стороны начальствующего состава нет, обнаружена значительная недостача вещевого имущества, в результате нарушения правил противопожарной безопасности сгорела землянка-кубрик (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4 Д. 7. Л. 7).

Положение юнг в этот период не совпадало с их представлениями о флотской службе: практических занятий на воде не проводилось, материально-технической базы и учебников не хватало, старшины и офицеры не воспринимали их всерьез как людей, которым через несколько месяцев придется встать на боевую вахту. Юнги мирились с таким положением, надеясь, что перемены к лучшему последуют после окончания строительных работ.

С 7 ноября 1942 года — дня принятия юнгами военной присяги — Школа юнг стала полноправной воинской частью № 30835, которой было вручено боевое знамя [9: с. 7–8]. Но бытовая неустроенность и дезорганизованность учебного процесса первых месяцев службы не исчезли, не исправил ситуацию и переезд юнг из палаток в землянки в начале ноября 1942 года (ЦВМА. Ф. 910. Оп. 035611. Д. 1. Л. 19). Идеальных условий для учебы не было. Землянка обычно была рассчитана на 52 человека (2 смены юнг по 25 человек и 2 старшины), вдоль стен располагались 3-ярусные нары (Архив СГИАПМЗ. Ф. УО СФ и ШЮ ВМФ. Анкета юнги 1-го набора Ракова С.К., 06.03.1978 г.). В головах нар были полочки для мелочей. Конспекты хранили под подушкой или под матрасом (Архив СГИАПМЗ. Ф. УО СФ и ШЮ ВМФ. Анкета юнги 1-го набора О.Т. Копинского 21.05.1977 г.). Нередко один учебник приходился на целую смену в 20–25 человек (ЦВМА. Ф. 202. Оп. 024066. Д. 133. Л. 276). Сложно было достать электролампы, мел для досок, из-за недостатка дров замерзали чернила. Юнги делали себе тетради, сшивая скрепками канцелярские бланки (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 19. Л. 33).

Антисанитарное состояние камбуза и столовых приводило к возникновению желудочно-кишечных заболеваний. Основными причинами эпидемий назывались необеспеченность кипяченой водой, нехватка чистого белья, антисанитарное состояние галюнов, загрязненность территории фекальными массами (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 8. Л. 30). Рядовым явлением в Школе юнг была вшивость (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 6. Л. 17).

Как свидетельствуют документы, столкнувшись с подростковым стремлением к независимости и неуступчивостью, старшины зачастую применяли

рукоприкладство, подменяя воспитание грубостью и издевательствами (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 3. Л. 10.). Имело место и девиантное поведение офицеров: они «нередко пьянствовали» (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 3. ЛЛ. 59,67) и «халатно относились к преподавательским обязанностям» (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 3. Л. 50, 55) в надежде, что их скоро отправят на фронт. Невыполнение командирами своих прямых обязанностей приводило к различным чрезвычайным происшествиям: юнги тонули (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 15. Л. 113), их забывали на островах во время учебных (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 3. Л. 70.) и трудовых выездов [10: с. 52], не забирали вовремя с гарнизонной гауптвахты после отбытия наказания (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 8. Л. 15). У подростков такое положение дел вызвало ответную реакцию, выражавшуюся в нарушении дисциплины, ставшее массовым явлением. Из-за недовеса хлеба и малых порций еды юнги отказывались выходить на занятия (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 7. Л. 84). Бунтарский характер подростков выразился в кражах (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 1. Д. 1. Л. 1), злостном непосещении занятий (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 1. Д. 1. Л. 30), невыполнении приказов (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 3. Л. 10).

Юнги практиковали разные способы сведения счетов со старшими по званию: «Однажды, когда наш старшина крепко уснул, четверо юнг, мстя за притеснения, вынесли койку вместе с ним к озеру и поставили ее в воду у глубокого места. Один из юнг отбил в рынду боевую тревогу. Старшина кубарем свалился с койки и, стоя по грудь в воде, никак не мог понять, где он, и что происходит» [11: с. 47]. Командира 5-й роты Курочкина забросали в столовой хлебом (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 20. Л. 36). Однако до военных трибуналов дело доходило лишь в самых исключительных случаях (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 15. Л. 50).

В сложившейся ситуации те из подростков, кто не имел достаточной внутренней мотивации к учебе и не обладал волевым характером, начали искать способы покинуть Школу. Некоторые юнги намеренно нарушали дисциплину, чтобы быть отчисленными (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 3. Л. 10.), других забирали родители или комиссовали по состоянию здоровья (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 1. Д. 1. Л. 30). Командованием УО СФ была зафиксирована попытка самоубийства юнгой, случившаяся из-за незаконной замены дисциплинарного ареста чисткой галюна (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 15. Л. 62). Проверка на 1 января 1943 года показала 38 % отстающих в учебе, что подтверждало общее неудовлетворительное состояние процесса обучения в Школе юнг (ЦВМА. Ф. 910. Оп. 1. Д. 12. Л. 42).

Командир УО СФ Броневицкий по результатам проведенных проверок сделал соответствующие оргвыводы и, чтобы создать нормальные условия для учебы, назначил комиссию для перемещения 2-го батальона Школы юнг в Кремлевский поселок (ЦВМА. Ф. 202. О. 024066. Д. 133. Л. 280). В результате Школа разделилась на две части, это дало возможность улучшить учебный процесс и быт юнг.

Общая ситуация в Школе юнг привела к кадровым решениям. В связи с тем, что выполнение задачи по подготовке специалистов высокой квалификации для ВМФ оказалось под угрозой срыва, с 15 января 1943 года на должность комиссара ШЮ УО СФ был назначен капитан 3 ранга С.С. Шахов (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 7. Л. 6), а 10 марта 1943 года начальником Школы юнг УО СФ стал капитан 1 ранга Н.Ю. Авраамов (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 7. Л. 24). С появлением в Школе юнг Н.Ю. Авраамова ситуация начала меняться в лучшую сторону. Во-первых, Авраамов сам был юнгой: в 14 лет поступил в Морской кадетский корпус и прошел путь от кадета до капитана корабля. Во-вторых, Николай Юрьевич стал квалифицированным педагогом и организатором, получив опыт работы в учебных отрядах ВМФ, и написал ряд учебников для морских учебных заведений. В-третьих, в Школе юнг начинал учиться его сын Георгий. В-четвертых, Николай Авраамов — участник Гражданской и Великой Отечественной войн, кавалер множества орденов — пользовался авторитетом у личного состава. Под руководством Н.Ю. Авраамова в Школе юнг начал оформляться другой тип взаимоотношений, базирующийся на осознании командным и старшинским составом возложенной на них ответственности по подготовке юнг к участию в реальных боевых действиях. Авраамов из собственного опыта выбирает наиболее эффективные способы взаимодействия с таким сложным контингентом, как подростки. По воспоминаниям юнги первого набора Г. Тарашука: «Николай Юрьевич, талантливый педагог, сумел донести до юнг мысль, что без специальных знаний и умений в море нечего делать — врага не победить, а только рыб кормить. Среди смен начинается соревнование за отличную учебу» [8: с. 106]. Н.Ю. Авраамов показывал пример строгого, но обязательно корректного отношения к воспитанникам, уравнивал дисциплинарные требования к юнгам, старшинам, офицерам. Воплотил на практике педагогическую истину: «требуешь от других — начни с себя», поощрял в юнгах такие качества, как взаимопомощь, взаимовыручка, смекалка. Уважительное отношение со стороны начальника Школы вызывало у юнг стремление оправдать кредит доверия.

Юнги и по прошествии многих лет из всех своих преподавателей в первую очередь вспоминали Николая Юрьевича. Юнга первого набора В.С. Пикуль писал: «Авраамов заслужил нашу особую любовь, когда мы стали ходить в море. Он проделывал с нами убедительные фокусы. Бывало, идем под парусом в ветер, вода уже обтекает планширь, и кажется, что море вот-вот заплеснет внутрь, а капранг велит нам ложиться вдоль накрененного борта еще больше его накреняя. А впечатление незабываемое! У самых губ твоих, заколдовывая мраком, проносятся таинственная глубина. Благодаря ему, любовь к воде скоро стала доходить у нас до смешного» [10: с. 56]. С приходом Н.Ю. Авраамова в Школу в коллективе появляется тенденция к установлению позитивной рабочей атмосферы. Как в любой изолированной группе, обладающей специализированными, ценными в глазах окружающих, знаниями и умениями [12: р. 209–211], у юнг начинает

формироваться собственная субкультура. Эти процессы усиливаются наличием профессионального сленга, понятного только морякам, спецификой флотской одежды и романтикой морской стихии [13: р. 16].

Юнги приучались к морской терминологии, поэтому свои палатки, а позже землянки они по-флотски называли кубриками, пол — палубой, туалет — гальюном, вещевые склады — баталерками, кухню — камбузом, а поваров — коками. Складывался особый быт, тесно связанный с будущей службой, — отбивали склянки, горнист играл «Побудку» и «Отбой». [5: с. 34]. Форма как символ принадлежности к новой социальной группе стала предметом особой заботы и внимания. Например, из фанеры от ящика из-под консервов «выкраивали» нечто, похожее на штанины, намывливали складки на брюках, натягивали на фанерные листы — и под матрас, а утром брюки будто наглаженные [8: с. 130].

Морская стихия становится местом, где юноши во время занятий, соревнований, тренировочных выходов получают возможность самоутвердиться. В рамках предложенной государством формы социализации подростки активно усваивают нормы и ценности, диктуемые референтной частью группы (Н.Ю. Авраамов и другие боевые офицеры).

Подростковый кризис идентичности, совпавший по времени с обучением в Школе, благодаря тому, что приобретенные профессиональные навыки отвечали общей задаче советских людей победить врага любой ценой, у юнг, освоивших курс подготовки, прошел успешно. Впоследствии благодаря этому результативной была и профессиональная реализация в мирное время.

Для выпускников Школы юнг 11 месяцев, проведенных в ней, стали переходным этапом из детства во взрослую жизнь, когда, с одной стороны, была романтика старой крепости и фантазии на тему кладов и приведений [8: с. 81], а с другой — осознание того, что скоро им придется по-настоящему убивать, убивать ради того, чтобы не было больше войны, смерти, чтобы все могли жить счастливой жизнью, и принятие этой ответственности [5: с. 28]. Отражением этих настроений стал юнгашеский фольклор, главным образом стихи. Весной 1943 года у Школы появилась и своя песня-гимн «Мы, юнги флота, крепки, как бронь».

Мы сами строим нашу школу Юнгов
И видим радость в собственном труде,
Пойдем навстречу штормам, бурям, выюгам
За то, что нами создано в борьбе.

Припев: Мы, юнги флота, крепки, как бронь,
За честь народа пойдем в огонь.
Фашистским зверям мы отомстим,
В победу верим и победим [10: с. 49].

Материалы, связанные с историей повседневности Школы юнг и особенностями восприятия подростками экстремальных условий жизни на Соловках (налицо были все антропологические факторы: бытовая неустроенность,

необходимость самообслуживания, недоедание, неуставные взаимоотношения, климатические условия и т. п.), могут служить источником для осмысления военного прошлого с позиций новых исследовательских траекторий, например, гендерных аспектов исторической психологии или истории эмоций. Подросткам в отличие от взрослых присуще упрощенное восприятие категории смерти: по-настоящему они в нее не верят, часто расценивают, как нечто романтическое, яркое и впечатляющее. Такое восприятие усиливала официальная многолетняя советская пропаганда, утверждавшая наиболее героический вариант патриотизма — погибнуть «За Родину! За Сталина!» Кроме того, юнги требовали к себе отношения как к взрослым и, оказавшись в боевых условиях, стремились доказать, что достойны этого. С такими предпосылками распределившиеся на флота и флотилии юнги стали лидерами «групповых настроений». Их героическое поведение становилось мощным психологическим импульсом для окружающих, готовой моделью поведения. В Школу посылали благодарности, а юнг за подвиги отмечали правительственными наградами, часто посмертно.

Юнги быстро влились в общую флотскую культуру и в экипажи кораблей, растворились в массе краснофлотцев, разъехавшись по флотам и флотилиям. Растворились настолько, что до 1969 года не испытывали необходимости поддерживать особую, отдельную память о своем ученическом периоде, идентифицируя себя с военно-морским флотом в целом, а не изолированно со Школой юнг. Для них самих период действия долгие годы был значимее периода подготовки. И только мудрость возраста заставила по-другому взглянуть на месяцы, проведенные на Соловецких островах.

Школа юнг стала для своих выпускников промежуточным этапом из детства во взрослую жизнь, этапом неоднозначным, однако те юнги, кто преодолел «кризис» перехода, несмотря на все возникавшие внешние и внутренние препятствия, оценивали его всегда положительно, так как получили в итоге желаемый результат (попали на военный флот).

В борьбе с обстоятельствами юнги за месяцы учебы на Соловках выработали очень полезное качество — резильентность, т. е. способность с достоинством преодолевать жизненные трудности, способность добиваться успеха в сложных условиях, для чего необходимы стойкость и дух созидания. Этот дух в полной мере сначала проявлялся на боевых рубежах, где их отвага и самоотверженность вызвали справедливое восхищение у старших по возрасту и званию сослуживцев, а затем и в гражданской жизни, на которую они перенесли практику высокой степени личной ответственности, приоритета позитивных ценностей и эффективного целеполагания.

Опыт жизненного пути соловецких юнг, которые наравне со взрослыми осваивали корабельные специальности, героически воевали на всех флотах и флотилиях и показали пример того, как сохранять общечеловеческие ценности (совесть, честь, долг, любовь к Отечеству) в нечеловеческих обстоятельствах, уникален.

В России в честь соловецких юнг называют улицы и площади. Памятники флотским подросткам стоят на Соловках, в Архангельске, Москве, Саратове. Музеи юнг есть в Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде. Все они, ушедшие на фронт, были героями, с наградами или без. Их подвиг равнозначен подвигу всех солдат, матросов и офицеров, прошедших Великую Отечественную войну. Однако многие аспекты темы остаются нераскрытыми, большой комплекс документальных и личных источников, хранящихся в российских архивах и музеях, не введен в научный оборот, а данная тема до настоящего момента не явилась предметом научного анализа на уровне диссертационных исследований или монографий.

Литература

1. *Афанасьев Е.Ф.* Воевали юнги на Севере: докум. повесть. Магадан: Книжное издательство, 1971. 87 с.
2. *Вишнев П.П.* Юнги. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1975. 112 с.
3. *Гузанов В.Г.* Юнги Северного флота. М: Издательство ДОСААФ, 1977. 144 с.
4. *Клочев С.Ю.* Соловецкий юнга из Белоруссии (Воспоминания юнги 1-го набора В.Е. Парабковича) // Известия Русского Севера. 2013. № 6 (24). С. 16–19.
5. *Московский Б.Д.* Дневник соловецкого юнги первого набора // Школа юнг Военно-морского флота в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 гг.). Соловецкая школа юнг ВМФ (1942–1945 гг.) / сост. В.В. Коваль и др. Архангельск: АНО РИИЦ «ИМ-Пресс», 2002. С. 21–38.
6. *Пикуль В.С.* Мальчики с бантиками. Л.: Детская литература, 1979. 219 с.
7. *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология: ежегодник. 2002. М.: РОС-СПЭН, 2002. С. 5–22.
8. Соловецкая школа юнг ВМФ (1942–1945 гг.) / сост. В.В. Коваль и др. Архангельск: АНО РИИЦ «ИМ-Пресс», 2002. 170 с.
9. Соловецкая школа юнг ВМФ / сост. М.А. Луговая. Архангельск: Студия «Вектор», 2005. 16 с.
10. *Шамшурич В.А.* Морские волчата: Док. повествование о нижегородцах — выпускниках Соловецкой шк. юнг, лихих фронтовиков, написан. вместе с ними. Нижний Новгород: Книги, 2002. 160 с.
11. Школа юнг ВМФ на Соловецких островах 1942–1945 гг. / сост. Л.В. Литвинов, С.С. Шахов. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1981. 11 с.
12. *Jansen W.H.* The Esoteric-Exoteric Factor in Folklore//Fabula: Journal of Folklore Studies. 1959. Vol. 2. P. 205–211.
13. *Stewart, David J.* The Sea Their Graves: An Archaeology of Death and Remembrance in Maritime Culture (New Perspectives on Maritime History and Nautical Archaeology). Gainesville, University Press of Florida, 2011. 256 p.

Literatura

1. *Afanas'ev E.F.* Voevali yungi na Severe: dokum. povest'. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo, 1971. 87 s.
2. *Vishnev P.P.* Yungi. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. 112 s.
3. *Guzanov V.G.* Yungi Severnogo flota. M: Izdatel'stvo DOSAAF, 1977. 144 s.
4. *Klochev S.Yu.* Soloveczkij yunga iz Belorussii (Vospominaniya yungi 1-go nabora V.E. Parabkovicha) // *Izvestiya Russkogo Severa*. 2013. № 6 (24). S. 16–19.
5. *Moskovskij B.D.* Dnevnik soloveczkogo yungi pervogo nabora // *Shkola yung Voenno-morskogo flota v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' (1942–1945 gg.) // Soloveczkaya shkola yung VMF (1942–1945 gg.) / sost. V.V. Koval' i dr. Arxangel'sk: ANO RIIC «IM-Press», 2002. S. 21–38.*
6. *Pikul' V.C.* Mal'chiki s bantikami. L.: Detskaya literatura, 1979. 219 s.
7. *Senyavskaya E.S.* Voenno-istoricheskaya antropologiya kak novaya otrasl' istoricheskoy nauki // *Voenno-istoricheskaya antropologiya: ezhegodnik*. 2002. M.: ROSSPE'N, 2002. S. 5–22.
8. *Soloveczkaya shkola yung VMF (1942–1945 gg.) / sost. V.V. Koval' i dr. Arxangel'sk: ANO RIIC «IM-Press», 2002. 170 s.*
9. *Soloveczkaya shkola yung VMF / sost. M.A. Lugovaya. Arxangel'sk: Studiya «Vektor», 2005. 16 s.*
10. *Shamshurin V.A.* Morskie volchata: Dok. povestvovanie o nizhegorodczax — vy'pusknikax Soloveczkoj shk. yung, lixix frontovikax, napisan. vmeste s nimi. Nizhnij Novgorod: Knigi, 2002. 160 s.
11. *Shkola yung VMF na Soloveczkix ostrovax 1942–1945 gg. / sost. L.V. Litvinov, S.S. Shaxov. Arxangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981. 11 s.*
12. *Jansen W.H.* The Esoteric-Exoteric Factor in Folklore // *Fabula: Journal of Folklore Studies*. 1959. Vol. 2. P. 205–211.
13. *Stewart, David J.* The Sea Their Graves: An Archaeology of Death and Remembrance in Maritime Culture (New Perspectives on Maritime History and Nautical Archaeology). Gainesville, University Press of Florida, 2011. 256 r.

*T.V. Ambroche***Solovki Sea Cadet School of the Soviet Navy of USSR in 1942–1945:
Anthropological Perspective**

The article considers the social and psychological factors, which influenced the formation of the personality of Solovki sea cadets during the Great Patriotic war. In the notice the previously unpublished documents of the Central naval archive are introduced into scientific circulation. They enable us to reconstruct everyday life of Cadet School of the Soviet Navy on the Solovki Islands in 1942–1945.

Keywords: Sea cadet school of the Soviet Navy; Solovetki Islands; military and historical anthropology; the Great Patriotic war; the Solovki sea cadets.